

КУЛЬТУРА КАК СМЫСЛОВОЙ ВЕКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Л.А. Булавка-Бузгалина

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-133-137

В статье показано, что в настоящее время процессы тотальной маркетизации распространились и на сферу художественной культуры, в которой все больше ценность человека-творца и результатов его деятельности оценивается в координатах рынка и капитала. Это становится одним из факторов продолжающейся уже десятилетия стагнации экономики, в частности российской. Между тем имеющийся опыт модернизации в СССР показывает, что существует мощная обратная связь, когда культура и, в частности, искусство становятся важным фактором и смысловым вектором социально-экономической и технологической модернизации. Средством для этого могут выступать и выступали исторически долгосрочные стратегические программы развития, связывающие воедино технологические, научные, экономические, образовательные и культурные трансформации, массовый трудовой энтузиазм, включение работников в социальное творчество и другие отношения и институты, превращающие человека из пассивного объекта (наемный работник, потребитель) в активного субъекта-творца. Противоречивые примеры формирования таких отношений дает история СССР (план ГОЭЛРО и др.).

Ключевые слова: культура, социальное творчество, энтузиазм, субъект, человек, модернизация, экономика, СССР.

Классификация JEL: Z1, P16, B24, O15.

© Булавка-Бузгалина Л.А., 2021 г.

Булавка-Бузгалина Людмила Алексеевна, доктор философских наук, профессор, Центр современных марксистских исследований, Философский факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; bulavka81@inbox.ru

Сегодня идеи социально-экономического развития России если и обсуждаются, то, как правило, в обход вопросов культуры как пространства и содержания жизнедеятельности индивида, ориентированного на его развитие и как работника, и как гражданина, и как личности. И это неслучайно: тотальная маркетизация всех сфер общественной жизнедеятельности жестко подчиняет общество и индивида, в том числе культуру, коммерческим интересам, трансформируя ее в сферу досуга с нарастающим объемом превратных услуг. Такое положение объективно приводит к усилению власти отношений отчуждения, превращающих индивида в функцию рынка, капитала, бюрократии, технологий, социальных сетей и т.д.

И вот эта функциональность как синкретичная форма его бытия, обусловленная господством частного интереса как основополагающего принципа общественной системы современной России, в конечном итоге формирует индивида (причем независимо от его имущественного ценза) как *частного человека*, для которого мир отчуждения более органичен, чем мир культуры со всеми ее конкретно-всеобщими связями. Для такого индивида любой предмет обретает свою ценность только в том случае, если он имеет стоимость, денежное выражение. На этой же основе построено и отношение к художественной культуре. Как отмечает американский искусствовед и критик Дональд Каспит, эстетическая ценность произведения искусства никогда не сделает их более значимыми, чем их рыночная ценность (Kuspit, 1995).

Для *частного человека* (функции отношений купли-продажи) культура выступает главным образом как *рынок зрелищных эффектов и атрибутов престижного потребления*. При этом важно подчеркнуть, что сегодняшний тип потребления по своей природе отчужден уже даже от гедонизма как особой формы ценностно-чувственного распределечивания действительности. И это связано с тем, что сегодня покупатель ориентируется прежде всего не на потребительную стоимость това-

ра, а на его бренд. Но ведь бренд – это знак, а это значит, что он, в отличие от товара реального, а значит – и от конкретного, несет в себе природу *общего*, того *общего*, суть которого должна быть неизменной. И эта неизменность есть непреложный закон любого такого знака (бренда, символа).

Это обусловлено тем, что хронотоп бытия *частного человека* – это, в сущности, есть хронотоп капитала с соответствующими ему параметрами: время – деньги, пространство – рынок. Понятно, что такой хронотоп может задавать лишь отчужденное отношение как к искусству, так и к культуре в целом.

В итоге это приводит к такой ее трансформации, которая порождает ряд превратных сущностей: вместо произведения искусства мы получаем его симулякр, суть которого есть товар под названием «арт-объект»; художественное искусство становится *искусством продажи* этих арт-объектов; имя художника превращается в бренд как товар, творчество – в производство этих брендов.

Так творец постепенно становится завершенным в-себе и для-себя агентом рыночных отношений.

Между тем в условиях современной технологической революции прогресс человека творческого, человека культурного есть важнейшая часть социально-экономического развития страны, общественного производства, повышение его эффективности. Так отчуждение от культуры становится серьезным препятствием на пути развития индивида и как профессионала, и как гражданина, ориентированного на прогрессивное развитие общественных отношений.

Нельзя не признать, что тотальный рынок и глобальная гегемония капитала сегодня диктуют не только формы, но и содержание жизнедеятельности и общества, и человека, и культуры. Одним из результатов этого является, с одной стороны, формирование *частного человека*, который будучи возвращенным господством частного интереса, всей сутью своей утверждает последний уже в своих практиках, а с другой – мутация как особая

форма рыночной (по сути, лавочной) трансформации культуры, превращающая ее в рынок атрибутов (брендов) престижного потребления, зрелищ и т.п. Встречное же движение этих двух сторон реальности, с одной стороны, превращает культуру в индустрию новых и бесконечных форм симулякров, а с другой – утверждая отчужденное отношение к культуре, тем самым укрепляет его господство в форме тотальной власти.

Вот почему *частный человек*, отчужденный от культуры как результата творчества, не может быть движущей силой развития современной экономики, которая требует, с одной стороны, целостного осмысления всех ее сложных взаимосвязей на микро-, мезо- и макроуровнях (Клейнер, 2020), а с другой – творческого и высокопрофессионального умения найти единственно верное и талантливое решение самой неожиданной проблемы. Одними формальными правилами менеджмента здесь не обойдешься.

Наряду с этим есть и другая проблема: определение содержательной состоятельности того или иного стратегического социально-экономического проекта. По мнению автора, это возможно в том случае, когда его содержание не замыкается в рамках чисто экономических задач, а имеет выход в пространство социокультурных решений. Эту взаимосвязь, но уже применительно к проекту Новой индустриализации подчеркивает Н.И. Лапин. По мнению ученого, этот проект является базовым условием социально-экономического развития современной России, поскольку несет в себе возможность решения двух задач: «...прорыва на уровень наиболее развитых стран мира и обретения своего культурно-исторического лица и достоинства в условиях новой геополитической ситуации» (Лапин, 2015).

И это лишь один из аспектов более широкой связи: ценность любого экономического проекта в значительной степени определяется потенциалом его развития, предполагающего такую деятельность индивида,

которая одновременно становится предпосылкой уже его собственного развития, за которым стоит понимание целей и смыслов своего труда. Так диалектика взаимосвязи его экономической и культурной сущности определяет и диалектику развития двух ипостасей индивида – как работника и как субъекта культуры, в конечном итоге формируя его как общественного субъекта. На основе такой диалектики культура, с одной стороны, обретает материалистическую основу своего развития, а с другой – задает логику именно развития – возвращения, а не голого технологического и организационного конструирования экономических реалий.

* * *

Все эти суждения, однако, так и оставались бы теоретическими гипотезами, если бы не получили свое подтверждение в конкретных социально-экономических практиках, имевших место, в частности, в СССР в период новой экономической политики (нэпа) и в последующем.

Какой была практическая диалектика развития экономической, социальной и культурной сущности процессов модернизации? Это в полной мере показывают практики советской модернизации, которая осуществлялась в условиях экономической изоляции СССР.

Следует отметить, что предпосылкой индустриализации стал план ГОЭЛРО, который был ориентирован не только на фундаментальную перезагрузку всей материально-технической базы экономики, но и на развитие человека – прогресс в сферах образования, науки и художественной культуры. Связывая воедино развитие технологий, экономики, общества и культуры, план ГОЭЛРО, по сути, стал стратегией развития СССР.

И это действительно так, поскольку этот проект востребовал создание новых для нашей страны отраслей промышленности, нового класса техники, новых методов орга-

низации и самое главное – нового типа работника. Вот почему создание материально-технической базы индустриализации и на этой основе развитие промышленности велось наряду с формированием системы высшего инженерно-технического образования в СССР, что, в свою очередь, потребовало совершенствования всей системы образования. Результатом только первой пятилетки стали такие промышленные гиганты, как Магнитогорский, Новокузнецкий, Норильский, Липецкий, Челябинский металлургические заводы; тракторные заводы в Челябинске, Сталинграде, Харькове; Уралмаш – в Свердловске; Горьковский автозавод и Уралвагонзавод – в Нижнем Тагиле и многое другое. Одновременно с этим создается и социальная инфраструктура новых городов (жилые районы, школы, институты, детские сады, дома культуры, театры), ориентированная на включение человека в систему образования и культуру. И самое главное: план ГОЭЛРО и его реализация, последующие пострыночные формы социально-экономической организации (Бузгалин, 2018) стали началом развития качественно новых социально-экономических и социокультурных отношений и институтов, генезис и развитие которых и задавали качественное отличие СССР от других общественных систем.

Результаты реализации плана ГОЭЛРО и других пострыночных форм проявились не только в высоких темпах роста производства, создании индустриальной базы страны, но и в формировании, наряду с прежней, рыночной, новой, ориентированной на отношения солидарности и социального со-творчества системы ценностей и стимулов нового человека, а также в появлении ростков качественно нового отношения советского работника к труду. Это нашло выражение в ряде инициатив – организации новых форм труда, и примеров тому немало. Рабочие выступали инициаторами новых методов организации труда, технических инноваций, досрочного выполнения планов и многого другого.

Но, говоря о коммунистической тенденции в СССР, важно показать и то, что можно

назвать обратной стороной социального творчества, трудового энтузиазма.

Во-первых, нельзя забывать о труднейших условиях, в которых осуществлялась индустриализация страны.

Во-вторых, индустриализация, особенно после окончания нэпа, проводилась в условиях широкого распространения административно-бюрократических (вплоть до насильственных) методов управления экономикой и обществом.

В-третьих, бюрократические формы подчиняли себе в определенной мере и ростки социального творчества, энтузиазма. Примерами этого могут служить: бюрократические деформации соревнования, приведшие к превращению верхушки стахановского движения в привилегированную касту, которая со временем становилась опорой сталинской бюрократии; формально-бюрократическое отношение к рационализаторским предложениям рабочих; отказ от форм коллективной организации труда и сворачивание многочисленных форм участия работников в управлении, характерных для 1920-х годов. Все это в конечном итоге приводило к угасанию, а то и просто к слову субъектности энтузиаста.

Учет этой обратной (теневой) стороны делает еще более значимыми культурные завоевания экономических практик планирования и социального творчества, главным результатом которых было формирование качественно нового работника, стремящегося своим содержанием своей деятельности снять те или иные формы отчуждения в сфере производства. Другими словами, культурный вектор развития экономики на основе социальной энергии массового энтузиазма не только формировал профессионально-творческий потенциал работника, но и возвращал в нем субъекта социального творчества, *субъекта разотчуждения* (Булавка-Бузгалина, 2018).

Этот субъект становился важной созидательной силой формирования качествен-

но новых общественных отношений в сфере производства, снимающих отношения рыночной конкуренции в отношении социального творчества, важнейшими слагаемыми которого были солидарность и соревнование, отличающиеся от рыночной конкуренции и иными целями (выполнение планов, развитие новых форм организации труда и т.п.), и средствами (не отчуждение, а диалог и взаимопомощь соревнующихся, открытое распространение новшеств, передового опыта). Результаты деятельности новаторов не превращались в интеллектуальную частную собственность, а распространялись на все остальные сферы производства и организации труда, общественной жизни.

Даже с учетом всех бюрократических издержек и противоречий этого движения формы творческой созидательности были таковы, что они рождали наряду с индивидуальной формой субъектности еще и коллективную – форму «Мы». Последнее нашло свое отражение не столько в формальных институтах того времени (они отражали как раз преимущественно обратную, бюрократическую сторону этих отношений), а в художественной культуре. Вот что писал о сущности такой субъектности («Мы!») Мандельштам: «Новое общество держится солидарностью и ритмом. Солидарность – согласие в цели. Необходимо еще согласие в действии. Согласие действием само по себе есть уже ритм. Революция победила своим ритмом... Солидарность и ритмичность – это количество и качество социальной энергии. Солидарна масса. Ритмичен только коллектив... История знает два возрождения: первый Ренессанс во имя личности, второй – во имя коллектива» (Мандельштам, 2010).

Диалектика социально-культурных прорывов трудового энтузиазма и его обратной стороны – этот вопрос очень актуальный, особенно в связи с поиском альтернатив сегодняшнему миру отчуждения как в сфере производства, так и в области культуры.

Список литературы / References

- Бузгалин А.В. (2018). Поздний капитализм и его пределы: диалектика производительных сил и производственных отношений (к 200-летию со дня рождения Карла Маркса) // Вопросы политической экономии. № 2. С. 10–38. [Buzgalin A.V. (2018). Late Capitalism and its Limits: Dialectic of Productive Forces and Production Relations (Towards 200 anniversary of Karl Marx). *Problems in Political Economy*, no. 2, pp. 10–38 (in Russian).]
- Булавка-Бузгалина Л.А. (2018). Разотчуждение: от философской абстракции к социокультурным практикам // Вопросы философии. № 6. С. 167–179. [Bulavka-Buzgalina L.A. (2018). Disalienation: from Philosophical Abstraction to Sociocultural Practices. *Voprosy Filosofii*, no. 6, pp. 167–179 (in Russian).]
- Клейнер Г.Б. (2020). Системная реконструкция российского социально-экономического пространства // Экономическое возрождение России. № 2. С. 59–69. [Kleyner G. (2020). System Reconstruction of Russian Socio-Economic Space. *Economic Recovery of Russia*, no. 2, pp. 59–69 (in Russian).]
- Лапин Н.И. (2015). Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. № 1. С. 5–10. [Lapin N.I. (2015). Crucial theoretical and methodological aspects of Russian modernization studies. *Sociological Studies*, no. 1, pp. 5–10 (in Russian).]
- Мандельштам О. (2010). Государство и ритм. Полн. собр. соч. и писем: в 3 т. М.: Прогресс-Плеяда. Т. 2. С. 45–48. [Mandelstam O. (2010). Government and Rhythm. In: Mandelstam O. Complete Works and Letters. In 3 vols. Moscow: Progress-Pleyada. Vol. 2, pp. 45–48 (in Russian).]
- Kuspit D. (1995) Art and Capital: An Ironic Dialectic. *Critical Review*, vol. 9, no. 4, pp. 465–482.

Рукопись поступила в редакцию 29.09.2021 г.

CULTURE AS A CONCEPTUAL VECTOR OF ECONOMIC MODERNIZATION

L.A. Bulavka-Buzgalina

DOI: 10.33293/1609-1442-2021-4(95)-133-137

Liudmila A. Bulavka-Buzgalina, Lomonosov Moscow State University, Center for Modern Marxist Studies, Department of Philosophy, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bulavka81@inbox.ru

The article shows that at present the processes of total marketization have spread to the sphere of artistic culture, in which more and more the value of a creator and the results of his activity is evaluated in terms of market and capital. It becomes one of the factors of the economy stagnation that lasts for decades, in particular, in Russia. Meanwhile, the existing experience of modernization in the USSR shows that there is a powerful feedback when culture and, in particular, art, become an important factor and conceptual vector of socio-economic and technological modernization. The means for this can be and have been historically long-term strategic development programs linking together technological, scientific, economic, educational and cultural transformations, mass labor enthusiasm, the inclusion of workers in social creativity and other relations and institutions that transform a person from a passive object (an employee, consumer) into an active creator. The history of the USSR gives contradictory examples of such relations formation (the GOELRO plan, etc.).

Keywords: culture, social creativity, enthusiasm, subject, individual, modernization, economy, USSR.

JEL classification: Z01, P16, B24, O15.

Manuscript received 29.09.2021